

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.5>

UDC 94(470)“08/16”
LBC 63.3(2)43

Submitted: 16.01.2019
Accepted: 08.06.2019

ABOUT THE STRUCTURE OF THE BOYAR DUMA AND PALACE ADMINISTRATION IN THE PERIOD OF BOYAR RULLING IN THE 30s–40s OF THE 16th CENTURY ¹

Alexander L. Korzinin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The main purpose of the publication is to recreate members of the Boyar duma and palace administration, to reconstruct the high-ranking structure of the top of the Sovereign court during the period of Boyar rulling on the basis of all published and archival documents. *Methods and materials.* The method of genealogical analysis and the method of prosopographical investigation are applied to the research of the duma and palace composition. The author uses information from various editions of genealogical books, Gosudarev rodoslovetov of 1555, lists of noble families of the late 17th c., charge and ambassadorial books, acts on land, chronicles, supplementary books of monasteries. *Analysis.* The author reveals the features of the highest appointments, dynamics of appointments to the Boyar duma and palace administration during the political crisis of 1533–1547.

Results. The author notes that new appointments in the Boyar duma and palace administration depended not only on the developed political environment, but also on the patrimonial order of inheritance of the highest ranks in a narrow circle of boyar clans notable and close to the throne. One more important conclusion received as a result of the research is that during the studied period powerful aristocrats possessed two ranks of boyars (okolnichy and dvoretsky) at the same time. The explanation of this can be found, perhaps, in the process of bureaucratization of management noted by M.M. Krom, which was expressed in isolation of government from the carrier of the supreme power and formation of the professional group of managers which concentrated the most significant administrative functions in their hands.

Key words: Boyar rulling, Boyar duma, aristocracy, political struggle, public administration, 16th century.

Citation. Korzinin A.L. About the Structure of the Boyar Duma and Palace Administration in the Period of Boyar Rulling in the 30s–40s of the 16th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 67–85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.5>

УДК 94(470)“08/16”
ББК 63.3(2)43

Дата поступления статьи: 16.01.2019
Дата принятия статьи: 08.06.2019

О СОСТАВЕ БОЯРСКОЙ ДУМЫ И ДВОРЦОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ПЕРИОД БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В 30–40-е гг. XVI ВЕКА ¹

Александр Леонидович Корзинин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В публикации предпринята попытка на основе всех известных к настоящему времени опубликованных и архивных документов воссоздать персональный состав Боярской думы и дворцового аппарата управления, реконструировать чиновную структуру верхушки Государева двора периода боярского правления. В исследовании состава Думы и дворцового аппарата применены метод генеалогического анализа и просопографический метод. Привлечены данные из различных редакций родословных книг, Государева родословца 1555 г., росписей дворянских родов конца XVII в., разрядных и посольских книг, актов на землю, летописей, вкладных книг монастырей. Установлены даты пожалования представителям придворной элиты думных и дворцовых чинов, время первого и последнего упоминания знатных лиц в исторических источниках, семейные и родственные связи внутри титулованных и нетитулованных боярских родов. Раскрыты особенности думских назначений во время политического кризиса 1533–1547 гг. Сделан вывод о том, что новые назначения в Боярскую думу и дворцовую администрацию зависели не только от сложившейся политической конъюнктуры, но в не меньшей степени от родового порядка наследования высших чинов в узком кругу знатных и близких к престолу боярских кланов, распределявших чины между своими родственниками. Еще один вывод, полученный в результате исследования, заключается в том, что в изучаемый период времени впервые вошло в практику обладание влиятельными лицами из придворной элиты одновременно двумя чинами: бояр (окольничих) и дворецких. Объяснение этому следует искать, возможно, в отмеченном М.М. Кромом процессе бюрократизации управления в период боярского правления, выразившемся в обособлении государственного аппарата от носителя верховной власти и формировании профессиональной группы управленцев, сосредоточившей в своих руках наиболее значимые административные функции.

Ключевые слова: боярское правление, Боярская дума, аристократия, политическая борьба, государственное управление, XVI век.

Цитирование. Корзинин А. Л. О составе Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления в 30–40-е гг. XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 5. – С. 67–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.5>

Введение. Тема изучения персонального состава думных и дворцовых чинов 1533–1547 гг. неоднократно поднималась в научной литературе. Несмотря на это она остается не в полной мере раскрытой. Актуальность исследования Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления связана с необходимостью анализа функционирования государственных институтов, раскрытия механизмов назначений на высшие должности знатных лиц в условиях острого внутриполитического кризиса, поразившего страну в то время [21]. Привлечение новых данных архивных источников, использование специальных методов критики документов могут пролить дополнительный свет на многочисленные грани этой проблемы.

Методы и материалы. В исследовании состава Думы и дворцового аппарата применены метод генеалогического анализа и просопографический метод. Метод генеалогических изысканий, основанный на привлечении данных Государева родословца 1555 г., частных родословцев XVII в., родословных росписей конца XVII в., позволил выявить родственные связи внутри придворной элиты, ус-

тановить степени родства. Благодаря просопографическому методу, использованию разнообразных источников (разрядных и посольских книг, актов на землю, летописей, вкладных книг монастырей) стало возможным реконструировать биографии отдельных членов Государева двора, узнать время пожалования чинами, прекращения службы.

Обсуждение. Основным источником для воссоздания состава Боярской думы и дворцовой администрации дореволюционным историкам (Н.М. Карамзину, С.М. Соловьеву, В.И. Сергеевичу, Н.П. Лихачеву и др.) служил Шереметевский список думных чинов конца XVII в., опубликованный в 1791 г. Н.И. Новиковым [61]. Шереметевский список широко использовался В.О. Ключевским в монографии «Боярская дума Древней Руси» [20]. С.Б. Веселовский был склонен считать его «ценнейшим документом», но все же признавал его серьезные недостатки [7, с. 33]. Первая научная реконструкция состава Боярской думы и дворцовых чинов 1533–1547 гг. с опорой на разнообразные источники, критический анализ Шереметевского списка думных чинов и Белявской росписи дворцовых чинов, принад-

лежит советскому историку А.А. Зимину. В серии статей ученый воссоздал порядок думских пожалований и состав дворцовой администрации первой половины XVI в. [17, с. 186–192; 18, с. 48–53]. В.Д. Назаров изучил состав дворецких и казначеев второй половины 40-х – середины 50-х гг. XVI в., опубликовал отрывки подлинных боярских списков 1546–1547 гг., проанализировал состав стольников и стряпчих осенью 1546 г. [29; 30]. Некоторые наблюдения Зимина о пожалованиях чинами бояр и окольных в 1980-е гг. были подвергнуты критике и дополнены в публикациях англо-американских историков. Среди них следует отметить в первую очередь статью английского исследователя Г. Алефа об аристократии и великокняжеской политике в Московском государстве конца XV – начала XVI века [64]. Американская славистка А.М. Клеймола предложила реконструкцию думных чинов 1505–1550 гг., взяв за основу наработки Зимина и Алефа [65]. В приложениях к работам Алефа и Клеймолы в табличной форме представлены данные о службах окольных и бояр. Н.Ш. Коллманн в монографии о московской политической системе 1345–1547 гг. раскрыла порядок думских назначений в первой половине XVI в. (сведения о них приведены в биографиях членов боярских кланов), написала очерки о наиболее могущественных аристократических родах [66, р. 200–241].

К настоящему моменту работы Зимина по воссозданию состава думных и дворцовых чинов отчасти устарели и нуждаются в дополнениях. В недавнее время М.М. Кром, используя информацию из ранее не привлекавшихся источников, пересмотрел хронологию назначений в Боярскую думу и дворцовую систему управления, реконструировал списки бояр, дворецких и казначеев 1533–1547 гг. [26]. Однако и в исследовании Крома есть немало лагун. Пожалования в бояре и дворецкие восстановлены с большой полнотой, но из поля зрения выпали некоторые придворные (Ф.И. Карпов, И.И. Рудак Колычев и др.), имевшие титулы окольных. Вне внимания оказались многочисленные лица дворцовой администрации (кравчие, постельничие, ясельничие и др.). Есть спорные моменты, затрагивающие первое и последнее упоминание

лица в чине боярина, окольного, казначея. Не проведено сравнение Боярской думы и носителей дворцовых чинов 30–40-х гг. XVI в. с предшествовавшим княжением Василия III. В связи с этим назрела необходимость сделать реконструкцию Боярской думы и тесно взаимосвязанной с ней дворцовой администрации темой специального исследования. Это позволит раскрыть новые аспекты в изучении системного кризиса власти в боярское правление, с новых позиций проанализировать события 1533–1547 гг., установить более полный состав действующих лиц.

Анализ. Начнем с назначений в Боярскую думу. К началу декабря 1533 г., то есть ко времени смерти Василия III, в Боярскую думу входило около 12–13 бояр [24, р. 337]: князь В.В. Шуйский² и И.В. Шуйский³, М.В. Горбатый⁴ и Б.И. Горбатый⁵, князь Д.Ф. Бельский⁶, князь А.А. Хохолков Ростовский⁷, князь Ю.Д. Пронский⁸, В.Г. Поплевин Морозов⁹ и И.Г. Поплевин Морозов¹⁰, М.В. Тучков¹¹, М.Ю. Захарьин¹², М.С. Воронцов¹³, вероятно, князь С.Д. Щепин Серебряный, и двое окольных И.В. Ляцкий¹⁴ и Я.Г. Поплевин Морозов¹⁵. Вскоре после смерти Василия III его вдове великой княгине Елене Глинской удалось сосредоточить верховную власть в своих руках, провести в Думу своих сторонников. По мнению М.М. Крома и А.Л. Юрганова, уже в августе 1534 г. после ареста князя М.Л. Глинского Елена Ивановна фактически стала соправительницей сына [26, с. 120–121; 63, с. 77–84].

В июле 1534 г. с высшим званием боярина и конюшего впервые отмечен фаворит Елены Глинской князь И.Ф. Овчина Телепнев Оболенский [44, с. 84]. Князь Иван Овчина входил в семейное окружение Елены Глинской, поскольку на дочери его двоюродного брата боярина князя И.В. Немого Телепнева Оболенского в феврале 1527 г. женился князь М.Л. Глинский, дядя Е.В. Глинской. 30 января 1537 г. Телепнев Оболенский вновь был упомянут боярином и конюшим [19, с. 142; 26, с. 160–161]. Иван Овчина был схвачен после смерти великой княгини Елены Глинской 9 апреля 1538 г. и вскоре умер в заточении [26, с. 230; 28, с. 32].

В июле 1534 г. боярином и третьим воеводой большого полка в Коломне указан князь

И.Д. Пенков [46, с. 244]. Осенью 1527 г. состоялась свадьба князя И.Д. Пенкова и княгини Марии Глинской, родной сестры Елены Глинской. После июля 1539 г. князь И.Д. Пенков женился второй раз на княжне Евдокии, дочери князя А.М. Шуйского. Иван Пенков умер до 14 октября 1540 г. [11, с. 76; 26, с. 151, 249].

В июле 1534 г. боярским чином был пожалован князь И.Ф. Бельский, родной брат князя Д.Ф. Бельского [44, с. 83–84; 46, с. 244]. Но когда в начале августа 1534 г. из Серпухова в Литву бежали князь С.Ф. Бельский и И.В. Ляцкий, князь И.Ф. Бельский был брошен в темницу. Вместе со свободой, по мнению Крома, он на время утратил боярское звание [26, с. 154, 163]. В апреле 1538 г. после смерти Елены Глинской И.Ф. Бельский был выпущен на волю и ему вернули боярский титул, но ненадолго. 2 января 1542 г. он был арестован боярами в столице и лишен власти. Сослан на Белоозеро, где его убили в мае 1542 г. [26, с. 275, 280].

И.С. Брюхо Морозов (троюродный брат бояр Поплевиных-Морозовых) с титулом окольничего впервые упомянут в сентябре 1535 года. Последний раз он замечен окольничим в Нижнем Новгороде 6 марта 1536 г. [44, с. 88, 89].

8 мая 1536 г. боярином и наместником в Смоленске назначен князь Н.В. Хромой Оболенский, троюродный брат конюшего Ивана Овчины Оболенского. Последнее упоминание князя Хромого боярином и наместником в Смоленске встречается 30 января 1543 г. [51, с. 30, 211].

Князь А.Д. Ростовский впервые назван боярином в Калуге 28 июля 1536 г. [44, с. 89]. Князь Андрей Ростовский занял в Думе место своего родственника князя А.А. Хохолкова Ростовского, выбывшего в апреле 1536 года. Последнее упоминание А.Д. Ростовского в документах относится к концу января 1549 г., в чине боярина он принял участие в переговорах с литовскими послами в Москве [51, с. 266].

Д.Д. Иванов (из рода Александра Нетши) упомянут окольничим на приеме у литовского посланника Никодима в столице 13 августа 1536 г. [51, с. 44]. 17 сентября 1536 г. окольничий Данилов находился на приеме крымского посла князя Бачака в Москве [39, л. 296 об.]. 14 января 1537 г. был окольничим

на приеме литовских послов в столице. Последнее упоминание его имени встречается 16 февраля 1537 г. [51, с. 65, 102].

В 1537 г. новых назначений в Боярскую думу не производилось. Число бояр в Совете достигло 13 человек, не было ни одного окольничего.

3 апреля 1538 г. наступила смерть правительницы Елены Глинской. В связи с этим на свободу были выпущены князь И.Ф. Бельский и А.М. Шуйский (последний был арестован вместе с князем Юрием Дмитриевским 11 декабря 1534 г.). Князю Ивану Бельскому был возвращен боярский титул, а князь Андрей Шуйский впервые был пожалован боярством [28, с. 32; 44, с. 94]. Позже, 28 декабря 1543 г., князь А.М. Шуйский попал в опалу и был убит псарями у Курятных ворот в Москве [26, с. 296–297].

С.И. Владимиров Злобин впервые отмечен окольничим 12 июня 1538 г., когда был отправлен послом к хану Сахиб-Гирею в Крым [39, л. 494–494 об.; 28, с. 32]. Последний раз его имя встречается в документах 28 января 1543 г., когда он присутствовал как окольничий на приеме литовского посланника С. Петряшкова в Москве [39, л. 508 об., 509 об.; 51, с. 207–209].

В августе 1538 г. боярином стал князь М.И. Кубенский, старший брат большого дворецкого князя И.И. Кубенского [44, с. 94]. Михаил Кубенский умер до 20 июня 1548 г. [11, с. 69].

В августе 1538 г. окольничим и воеводой в Рязани за городом указан И.С. Воронцов, младший брат боярина М.С. Воронцова [44, с. 95]. В июне 1543 г. Иван Воронцов получил боярский чин.

4 августа 1538 г. в русско-крымских дипломатических документах¹⁶ впервые отмечен с думным чином окольничего знаменитый дипломат и писатель Ф.И. Карпов (он встречал крымского гонца Дивей-мурзу Аксейтя) [39, л. 525]. В реконструкции состава Боярской думы, выполненной Кромом, имя Ф. Карпова отсутствует. Зимин относил пожалование Карпова титулом окольничего к 12 августа 1529 г., когда тот с боярином М.Ю. Захарьиным вел переговоры с литовскими послами [16, с. 160–161; 50, с. 793]. Но в тексте посольской книги о думном чине Карпова не

сказано ни слова. В мае 1539 г. Карпов отмечен окольным на аудиенции с крымским гонцом Сулемшой [39, л. 605, 608 об.]. Последний раз окольный Ф.И. Карпов упоминался 20 октября 1539 г., когда участвовал в переговорах с послом из Крыма Сулеш-мурзой [39, л. 650 об., 654, 661, 661 об., 664 об.]. Дипломат умер, вероятно, до 11 декабря 1539 г., когда был сделан вклад в Троице-Сергиев монастырь его родственником И.С. Карповым [11, с. 81].

К 15 октября 1538 г. боярином стал князь И.М. Шуйский (троюродный брат бояр В.В. и И.В. Шуйских) [60, с. 4]. Последнее упоминание Ивана Шуйского в источниках – летом 1559 г.; умер, вероятно, 2 мая 1560 г. [44, с. 182; 9, л. 42].

9 февраля 1539 г. на церемонии поставления в митрополиты Иоасафа И.И. Челяднин (сын боярина и конюшего Василия III И.А. Челяднина, был женат на княгине Анастасий, родной сестре Елены Глинской; сестра И.И. Челяднина Марфа была супругой князя Д.Ф. Бельского) впервые был отмечен с высшим придворным званием боярина и конюшего [2, с. 160; 26, с. 151; 28, с. 41]. Ранее, в начале декабря 1533 г., Челяднин носил чин стряпчего Василия III [53, с. 272], а 9 января 1536 г. был кравчим великой княгини Елены Ивановны на пиру в честь казанского хана Ших-Али (Шигалея) и его матери Фатьмы-салтан [28, с. 23]. Летом 1541 г. Челяднин был боярином и конюшим на Пахре [28, с. 41; 32, с. 102; 46, с. 296]. Умер до 25 октября 1541 г. [11, с. 90].

В июне 1539 г. боярином и вторым воеводой большого полка в Коломне указан князь П.И. Репнин Оболенский, троюродный брат боярина князя Н.В. Хромого Оболенского [44, с. 96]. Последний раз Репнин упоминается 25 мая 1545 г., когда он дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь 10 руб. [11, с. 99].

В апреле 1540 г. боярином стал князь Ю.М. Булгаков Голицын (креатура князя И.Ф. Бельского) [28, с. 34; 44, с. 99]. Булгаков умер до 28 июля 1562 г. [11, с. 135].

23 мая 1540 г. князь И.И. Кубенский был пожалован чином боярина [2, с. 168; 3, с. 106]. Он сохранил за собой пост дворецкого Большого дворца и благодаря этому усилил свое влияние внутри правящей элиты. Князь И.И. Кубенский был казнен 21 июля 1546 г. в Коломне [12, с. 28].

После смерти боярина М.Ю. Захарьина его родичи были отодвинуты в окольные. Первое упоминание И.И. Рудака Колычева (из рода Кобылиных) окольным относится к 22 декабря 1540 г., когда он наместничал в Ивангороде [18, с. 57; 47, с. 89–95]. Иван Иванович (очевидно, Колычев) в мае 1544 г. был окольным в Пскове [51, с. 245]. Последний раз окольный Иван Рудак упоминался в октябре 1549 г. с князем Владимиром Андреевичем Старицким в Москве [44, с. 90, 112, 115, 124].

В 1542 г., как и в 1541 г., не зафиксировано новых боярских назначений, однако после годичного перерыва возобновились пожалования в окольные, число которых к концу 1542 г. достигло рекордной отметки в 5 человек. Ю.Д. Шеин (троюродный брат бояр Поплевиных-Морозовых) 6 марта 1542 г. впервые отмечен с титулом окольного, он участвовал в приеме литовских послов в Москве [51, с. 146]. В ноябре 1542 г. окольным стал И.И. Беззубцев, однородец М.Ю. Захарьина и И.И. Рудака Колычева [44, с. 104]. Юрий Шеин умер 27 февраля 1544 г. [11, с. 97; 18, с. 57], Иван Беззубцев – до 8 июня 1547 г. [11, с. 67].

13 февраля 1543 г. боярином и наместником Пскова указан князь Д.Д. Пронский, младший брат боярина 1529–1533 гг. князя Ю.Д. Пронского из рода Рязанских князей [51, с. 211–212]. Данила Пронский умер в 1554/55 г. [58, с. 111].

В июне 1543 г. боярский чин получил И.С. Воронцов, ранее бывший окольным [44, с. 104]. Воронцов умер до 6 мая 1560 г. [11, с. 53].

Князь В.В. Чулок Ушатый (однородец князей Кубенских) впервые упоминается окольным 1 сентября 1543 г. на встрече литовского посланника Томаса в Москве [51, с. 215]. Ушатый умер около 1548 г. [19, с. 97].

Князь И.А. Катырь Хохолков-Ростовский 22 августа 1543 г. указан боярином и наместником в Смоленске [26, с. 288, 313; 51, с. 214]. Иван Катырь сменил в Думе своего старшего брата князя А.А. Хохолкова-Ростовского (скончавшегося до 1 октября 1538 г.). Последнее упоминание князя Катыря боярином – в сентябре – октябре 1547 г. [30, с. 52].

8 сентября 1543 г. окольным стал Г.В. Морозов, старший сын боярина И.Г. Полевина [51, с. 218]. Кром относит боярство

Морозова к декабрю 1548 г., но в действительности он получил боярский чин уже к 26 марта 1548 г., его имя внесено в список бояр, которым новгородский архиепископ отправил подарки [26, с. 350; 36, с. 49]. Последнее упоминание Григория Морозова боярином относится к 28 октября 1551 г., когда он встречал Дервиш царя из Ногаев во время посольского приема в Столовой брусняной избе в Москве [41, с. 79].

К 8 сентября 1543 г. боярство было пожаловано Ф.С. Воронцову, ранее занимавшему пост угличского и калужского дворецкого [51, с. 218]. Рост влияния при дворе клана Воронцовых летом 1543 г. отразился в посольской церемонии. Когда 8 сентября 1543 г. в Москву прибыл посланец от польского короля Сигизмунда I по вопросу о размежевании спорных Себежских земель, за большим столом у великого князя сидели бояре князь Д.Ф. Бельский, И.М. Шуйский, И.С. и Ф.С. Воронцовы. Взлет карьеры потомков московского тысяцкого Протасия, видимо, объяснялся тем фавором, которым они пользовались у Ивана IV. Однако уже 21 июля 1546 г. Федор Воронцов был казнен в Коломне [43, с. 27].

В январе 1544 г. с боярским чином впервые упомянуты князь Ф.И. Скопин Шуйский (боярин и воевода в Костроме) и князь А.Б. Горбатый (боярин и воевода в Муроме) [44, с. 107], которые, вероятно, получили думные звания до 29 декабря 1543 г. (когда был схвачен и убит их родственник князь А.М. Шуйский) [26, с. 287, 299, 313]. Кром обоснованно опроверг версию Зимина, основанную на данных Царственной книги 1560–1570-х гг., о пожаловании Ф.И. Скопина боярским званием в сентябре 1543 г., так как в ноябре 1542 г. и декабре 1543 г. Шуйский упоминался без думного титула [18, с. 57; 26, с. 287; 32, с. 443, 444; 44, с. 104]. Скопин Шуйский умер до 2 июня 1557 г. [11, с. 75], его родственник князь Александр Горбатый был казнен 7 февраля 1565 г. [52, с. 544].

В 1543/44 г., 20 апреля 1544 г. окольниковым и одновременно дмитровским дворецким стал В.Д. Шеин, младший брат окольного Ю.Д. Шеина [2, с. 179–181; 26, с. 314, 315, 446, 466; 35, с. 317]. Василий Шеин стал боярином в середине декабря 1546 г. [31, с. 118].

В 1544 г. думные чины раздавались в единичных случаях и в основном тем, что был

близок Воронцовым и Морозовым. В июле 1544 г. думный чин боярина достался князю М.М. Курбскому (женатому на дочери боярина М.В. Тучкова-Морозова Марье) [44, с. 108; 62, с. 88–89]. К июлю 1544 г. относится и последнее упоминание в источниках боярина князя Михаила Курбского.

В 1545 г., как в 1544 г., наблюдалась некоторая стабильность во внутривосполитических делах, временное ослабление вражды боярских группировок, затишье перед бурей. Характерно, что за 1545 г. новые назначения в Боярскую думу вообще отсутствовали.

К 20 февраля 1546 г. боярином и одновременно дворецким Большого дворца стал И.И. Хабаров [26, с. 311, 314; 56, л. 19 об., 31, 32]. В апреле 1546 г. чинами бояр были пожалованы В.М. Щенятев [44, с. 109] и князь Д.Ф. Щереда Палецкий (к 7 апреля) [26, с. 314; 28, с. 48]. Иван Хабаров был родным братом княгини Ирины, супруги боярина князя А.Д. Ростовского [11, с. 55]. Последнее упоминание его на службе встречается в июле 1555 г. [44, с. 152]. Сестра князя Василия Щенятева была замужем за князем И.Ф. Бельским. Щенятев последний раз упомянут в декабре 1546 г. на посту воеводы в Смоленске [19, с. 127; 44, с. 112]. Князь Дмитрий Палецкий умер 11 сентября 1558 г. [18, с. 60; 57, с. 46].

К 21 июля 1546 г. званием боярина и конюшего был пожалован И.П. Федоров, женатый на дочери дворецкого В.А. Челяднина [19, с. 174; 43, с. 27; 46, с. 343]. Вероятно, тогда же Иван Федоров вследствие опалы утратил звание конюшего, которое 16 января 1547 г. досталось князю Ю.В. Глинскому. Впоследствии с декабря 1547 г. (по официальной летописи, с мая 1551 г.) до сентября 1568 г., вплоть до своей казни, Федоров вновь носил почетный чин боярина и конюшего. Федоров был казнен 11 сентября 1568 г. [22, с. 163–164; 52, с. 337, 532–533].

В конце июля 1546 г. окольниковым стал И.Д. Шеин, младший брат Ю.Д. и В.Д. Шеиных [44, с. 109]. Иван Шеин стал боярином в июне 1553 г., последний раз упомянут в ноябре 1553 г. на свадьбе Симеона Касаевича, когда сидел среди бояр против боярынь в большом столе [44, с. 13, 141].

В середине декабря 1546 г. в бояре из окольниковых был переведен В.Д. Шеин [31, с. 118]. Он умер до 25 августа 1557 г. [11, с. 97].

16 января 1547 г. боярином и конюшим впервые отмечен дядя царя князь М.В. Глинский [2, с. 287; 6, с. 287; 28, с. 50]. После бунта в Москве 21 июня 1547 г. Глинский, очевидно, утратил звание конюшего. В июле 1547 г. в свите царя в Коломне он был записан как боярин [46, с. 334]. Михаил Глинский умер до 28 сентября 1559 г. [11, с. 49–50; 49, с. 57].

В связи со свадьбой царя Ивана IV и А.Р. Захарьиной (племянницы М.Ю. Захарина) думные чины были пожалованы ряду лиц [44, с. 10, 11; 46, с. 322–328]. 3 февраля 1547 г. боярином стал князь И.И. Турунтай Пронский, близкий друг князя Ю.В. Глинского [26, с. 342–344]. Князь Иван Турунтай постригся в монахи около 1568 г., был казнен в 1569 г. [52, с. 354, 436; 54, с. 285].

3 февраля 1547 г. чин боярина достался И.М. Большому Юрьеву, сыну М.Ю. Захарина и двоюродному брату царицы Анастасии. Последнее упоминание имени Ивана Юрьева в источниках относится к этому же времени [44, с. 10]. 3 февраля 1547 г. окольниковым упомянут Д.Р. Юрьев (родной брат царицы Анастасии Романовой). Данила Юрьев впервые указан боярином и дворецким 26 марта 1548 г., а не 3 мая 1548 г., как считает В.Д. Назаров [29, с. 78–79; 36, с. 49]. Д. Р. Юрьев умер 27 ноября 1564 г. [25, с. II].

Таким образом, Боярская дума в первой половине 1547 г. (до июля) по сравнению с началом декабря 1533 г. стала более аристократичной, значительно увеличилась ее численность. В нее входило около 18 бояр¹⁷ и 3 окольниковых¹⁸. Подавляющее число бояр (12 из 18) были титулованными аристократами.

Состав дворецких и казначеев боярского правления восстановлен М.М. Кромом, но, несмотря на это, нуждается в некоторых уточнениях и дополнениях. По данным Зимина и Крома, И.И. Третьяков был казначеем с 6 июля 1538 г. по 20 февраля 1549 г. [17, с. 187, 191; 26, с. 312, 473, 474]. В действительности, Иван Третьяков впервые упомянут казначеем в русско-крымских дипломатических документах 17 сентября 1536 г. на приеме крымского посла Бачака князя в Москве [39, л. 299].

Представляется не совсем ненадежным указание на казначейство Ивана-Фомы Петровича Головина в жалованной грамоте Московскому Симонову монастырю, выданной

12 ноября 1543 г. [4, с. 88]. В поздней копии (в списке XVII в.) переписчиком могла быть допущена ошибка при написании выдавших эту грамоту лиц: «Приказали казначеи Иван Иванович Третьяков да Иван Петрович Головин». Возможно, в тексте подлинной грамоты (не сохранившейся) глагол «приказал» стоял в единственном числе и И.П. Головин был не вторым казначеем, а только помощником казначея И.И. Третьякова. Подобная запись («Приказал казначей Иван Иванович Третьяков да Иван Петрович Головин») встречается в цитируемой Кромом льготной оброчной грамоте солеварам Унской волости Двинского уезда от 2 ноября 1543 г. [26, с. 474]. Можно ли уверенно говорить о том, что второе лицо, подтверждавшее выдачу льготных грамот вместе с казначеем, также имело чин казначея? Для такого утверждения необходимы дополнительные аргументы.

В реконструкции дворецких Крома пропущен князь С.Д. Щепин Серебряный-Оболенский. Он впервые указан дворецким 1 февраля 1534 г. в подтверждении жалованной несудимой грамоты Василия III от 1508 г. властям Вологодского Александро-Куштского монастыря: «Подписал дьяк Федор Мишурин. Приказал дворецкой князь Семен Дмитриев сын Оболенской» [15, л. 5]. Грамота сохранилась в поздней копии XIX в., но все же это не снижает доверия к грамоте. В ведении дворецкого С.Д. Оболенского в то время находились Вологда и Кубенское Заозерье. По мнению М.С. Черкасовой, часть Кубено-Заозерского края вместе с Вологдой в первой половине XVI в. входила в состав одного из областных дворцов (Рязанского), управляемого великокняжескими дворецкими [26, с. 442–444; 59, с. 46–105]. Следовательно, князь Семен Серебряный в феврале 1534 г. являлся большим дворецким. Зимин ошибочно считал, что князь С.Д. Серебряный был дворецким в ноябре 1523 г. и в июле 1528 г. [19, с. 54]. В действительности, С.Д. Щепин Оболенский в январе 1526 г. на свадьбе Василия III и Елены Глинской и в июле 1528 г. имел чин боярина, но не дворецкого [1, с. 50, 222, 306; 24, р. 334; 46, с. 193]. Если он не утратил высший думный чин (об этом нам ничего не известно), то в феврале 1534 г. князь С.Д. Серебряный был не только дворецким Большого дворца, но и

боярином, то есть одновременно обладал двумя чинами: думным и дворцовым. Известно, что Семен Щепин Оболенский состоял в родстве с великой княгиней Еленой Глинской (ее дядя князь М.Л. Глинский был женат на дочери князя И.В. Немого Телепнева Оболенского) и приходился троюродным братом фавориту великой княгини князю И.Ф. Телепневу Оболенскому. В этом кроется одна из причин назначения его на должность большого дворецкого.

В сентябре 1545 г. дворецким в Новгороде в Новгородской второй (Архивской) летописи зафиксирован Дмитрий Юрьевич, которого Зимин и Кром затруднились отождествить с конкретным лицом [17, с. 194; 26, с. 465; 33, с. 149]. При чтении записи возникает ощущение, что ее первоначальный смысл и содержание были искажены переписчиком. Под 27 сентября 1543 г. сказано о том, что в Новгороде «выгорел весь конец Кожевницкой и за городом за Деревянным под Лазарем и все побережье» при архиепископе Феодосии, наместниках Василии Шуйском, Юрии Голицыне (оба записаны без княжеских титулов) и «при дворецком Дмитрее Юрьевиче». Князь В.В. Шуйский, о котором идет речь в статье 1543 г., к тому времени давно умер (это случилось в октябре 1538 г.). Что касается Дмитрия Юрьевича, то дворянина с подобными инициалами не удастся обнаружить как среди нетитулованных и титулованных членов Государева двора конца XV–XVI вв., так и среди их родственников (по данным родословных росписей и других источников генеалогического характера). Вероятно, такого персонажа вовсе не существовало. Скорее всего, в летописной строке должен был быть записан не Дмитрий Юрьевич, а Афанасий Юрьевич [Сабуров], родной брат первой жены Василия III Соломонии, исполнявший обязанности новгородского дворецкого в 1549–1551 гг. [38, л. 16 об.; 48, с. 110]. 1543 год как время первого упоминания в чине новгородского дворецкого А.Ю. Сабурова не может быть принят из-за недостоверной информации о пребывании на посту новгородского наместника князя В.В. Шуйского. Вероятно, в летописной записи переплелись противоречивые заметки, относящиеся к разному времени и к разным лицам, имена которых были переданы с искажениями. Не исключено, что под «Дмит-

рием Юрьевичем» следует подразумевать Дмитрия Федоровича Ласкирева, упоминавшегося на посту новгородского дворецкого в 1539/1540 г. [26, с. 465].

14 января 1537 г. с чином оружничего впервые упомянут Ф.И. Карпов с ремаркой: «а был не пошлой оружейничей, приказано ему ведати доспех и мастера после брата его Никиты» [50, с. 65]. К 4 августа 1538 г. Ф.И. Карпов получил думный титул окольничего и перестал быть оружничим.

Еще одним оружничим Шереметевский список думных чинов называет князя Ю.И. Щетинина (с 1532/33 г. до 1548/49 г.) [61, с. 25, 35]. Однако князь Щетинин впервые упоминался оружничим только в июле 1547 г. в царском походе в Коломну [46, с. 334, 341]. Осенью 1546 г. он был стряпчим, а еще раньше, в июне 1513 г. и в июне 1522 г., стряпчим у доспеха [30, с. 52; 45, с. 133, 185]. Последнее упоминание Щетинина оружничим – в декабре 1547 г. в походе из Владимира к Нижнему Новгороду [46, с. 341].

По данным Шереметевского списка, в 1541/42 г. постельничим стал А. В. Мансуров [61, с. 31]. Однако первое известие о его постельничестве относится ко 2 февраля 1547 года. На свадьбе царя Ивана Васильевича и Анастасии Захарьиной он в чине постельничего ходил с белым платьем и поясами в мыльню [46, с. 327]. Мансуров отмечен постельничим 26 марта 1548 г. и в декабре 1549 г. в царском походе из Нижнего Новгорода на Казань, упоминался постельничим в Дворовой тетради в 1553/54 г. [36, с. 49; 44, с. 122; 58, с. 115]. Последнее упоминание Мансурова – в источниках 18 июня 1554 г., когда он дал по Настасье, жене брата Л.В. Мансурова, Троице-Сергиеву монастырю 30 руб. [11, с. 85]. В реконструкции постельничих Зимина имя Андрея Мансурова отсутствует.

М.Ф. Бурухин Монастырев впервые встречается царским постельничим в феврале 1547 г. на свадьбе Ивана IV и Анастасии Захарьиной, где он топил мыльню [46, с. 325, 340]. Последний раз упоминался постельничим в Москве 26 марта 1548 г. [36, с. 49]. Матвей Бурухин постригся под именем Макария в Кирилло-Белозерском монастыре приблизительно в 1551/52 г., умер 23 сентября 1552 г. [10, с. 57, 112].

И.И. Челищев в начале августа 1538 г. и в конце апреля 1539 г. был ясельничим, принимал участие в приеме крымских послов [39, л. 527, 582]. Зимин со ссылкой на крымскую посольскую книгу в августе 1538 г. – апреле 1539 г. ошибочно называл И.И. Челищева постельничим [17, с. 192]. Ранее, в декабре 1533 г. – июне 1534 г., Иван Ильич Челищев ездил гонцом в Крым [39, л. 3 об. – 4, 33].

Шереметевский список указывает на получение в 1539/40 г. чина ясельничего В.Г. Дровниным Афанасьевым, сыном конюшего Ивана III Григория Афанасьева [61, с. 31]. Однако Василий Дровнин впервые зафиксирован ясельничим только в январе 1550 г. в походе из Нижнего Новгорода на Казань [44, с. 123, 141, 150–151, 157–158, 182].

3 февраля 1547 г. на свадьбе царя и Анастасии Захарьиной указан ездивший «круг потклета боярин и конюшей князь Иван Михайлович Воротынской, а с ним же, князем Иваном Михайловичем, ясельничей Ортемей да дети боярские, которые у коня стряпоют» [46, с. 326, 327]. Служилому князю Воротынскому почетный титул «боярина и конюшего» был «сказан» лишь на время царской свадьбы. Что касается ясельничего Артемия, то, вероятно, речь шла об Артемии Большом Ивановиче Колтовском (из всех известных служилых людей первой половины XVI в. он оказывается наиболее подходящей фигурой). В Дворовой тетради он записан «из Тарусы», в начале октября 1552 г. Артемий Большой погиб под стенами Казани [37, с. 183; 58, с. 164].

И.В. Тургенева вряд ли следует относить к ясельничим. 5 августа 1534 г. он «в ясельничего место» встречал ногайских послов в Москве на Всполье [40, с. 92]. 12 сентября 1536 г. Иван Тургенев вновь указан «в ясельничего место», должен был встретить крымского посла князя Бачака за р. Москвой на Поле [39, л. 294 об.].

Чин конюшего Новгородского дворца по престижу и значимости был несопоставим со званием великокняжеского боярина и конюшего, однако новгородскими конюшими, как и в конце XV – первой трети XVI в., являлись представители московской аристократии. В сентябре – октябре 1546 г. новгородским конюшим упоминался князь С.И. Гун-

доров (происходил из Стародубских князей) [46, с. 320].

Наибольшую трудность представляет реконструкция состава таких чинов дворцовой администрации, как кравчие, ловчие, стряпчие и др., поскольку о них сохранилось мало сведений. О печатниках и сокольничих в 1530–1540-е гг. ничего не известно. В Шереметевском и Беляевском списках думных и дворцовых чинов есть информация о кравчих периода боярского правления князе И.И. Кубенском (с 1530/31 г. до 1534/35 г.), князе Ю.В. Глинском (с 1535/36 г. до 1539/40 г.), князе И.Ф. Мстиславском (с 1540/41 г.) [17, с. 191, 203, 204; 61, с. 25, 28, 29, 31]. Из всех упомянутых кравчих до нас дошло косвенное упоминание о близости к данному чину лишь князя Кубенского. В Оружейной палате Московского Кремля хранится серебряный ковш, принадлежавший некогда И.И. Кубенскому, с позолоченной надписью, идущей вдоль венца: «Лета седмь тысящ четьред третьяго ковшь князя Иванов Ивановича Кубенского, а хто станет из него пити, тому на здравие» [42, с. 159, 168–169]. Из надписи точно не следует, что владелец ковша был кравчим, но это вполне можно допустить. Как известно, кравчий во время застолий держал в руках чашу (кубок, ковш) и подносил государю напитки [17, с. 189]. Функции кравчих и стольников, чашников были близки и, возможно, взаимозаменяемы. Когда 9 января 1536 г. в Москве состоялся прием в честь татарского хана Шигалея и его матери царицы Фатьмы-салтан, у великой княгини Елены Глинской кравчим был И.И. Челяднин, у казанской царицы кравчим указан князь В.И. Репнин, «а столники и чашники все у великие княгини за столом были» [28, с. 23]. О князе Ю.В. Глинском известно, что в конце ноября – начале декабря 1533 г. он выполнял обязанности великокняжеского стряпчего [32, с. 415]. Что касается князя Мстиславского, то о его чине сохранилось косвенное свидетельство в одном любопытном источнике. 26 марта 1548 г. архиепископ Новгорода и Пскова Феодосий послал в Москву денежные подарки великому князю Ивану Васильевичу, его брату Юрию, а также представителям столичной элиты. В списке пожалованных деньгами (по золотому корабленнику каждому) в расходной книге Свя-

той Софии в начале перечислены бояре князя Д.Ф. Бельский, А.Д. Ростовский, М.И. Кубенский, И.Г. [Морозов], боярин и дворецкий Д.Р. Юрьев, И.П. [Федоров], Г.Ю. Захарьин, князь Д.Ф. Палецкий, Г.В. Морозов, затем князь И.Ф. Мстиславский, казначеи И.И. Третьяков и Ф.И. Сукин [36, с. 49]. Имя князя Мстиславского занимает позицию между боярами и казначеями, то есть там, где обычно записывались окольничие и дворецкие [30, с. 52, 53]. Не установлено, чтобы Мстиславский имел чин окольничего либо дворецкого. В Белявской росписи дворцовых чинов кравчие зафиксированы вслед за боярами и окольничими и перед казначеями, постельничими, ясельничими и ловчими [17, с. 203–205]. Следовательно, князь И.Ф. Мстиславский обладал каким-то чином дворцовой администрации, правда, не обязательно чином кравчего. Осенью 1546 г. Мстиславский возглавлял список стольников (из 32 человек) [30, с. 52]. Весной 1548 г. он также мог находиться в чине стольника, хотя в Белявской росписи указано, что князь Иван Мстиславский был крайчим (кравчим) 9 лет, то есть с 1540/41 г. до 1549/1550 г. [17, с. 204].

С конца ноября 1533 г., еще при жизни Василия III, в «Повести о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича» его ловчими были названы Ф.М. Нагой и Б.В. Дятлов [32, с. 410]. 6 марта 1542 г. Федор Нагой и Борис Дятлов во время приема в Москве литовских послов зафиксированы ловчими в конце списка князей и детей боярских, которые «у государя в думе не живут, но при послах в избе были» [51, с. 148].

4 декабря 1533 г. в день кончины государя Василия Ивановича его тело обмерил для изготовления каменной усыпальницы Р.И. Семенов; по данным Александрово-Невской и Никоновской летописей, он был шатерничим, а по сведениям Новгородской IV летописи по списку Дубровского – постельничим великого князя [28, с. 127; 32, с. 419; 34, с. 231].

В конце ноября – начале декабря 1534 г. в стряпчих при смертельно больном великом князе находились Яков Мансуров, И.И. Челядин и князь Ю.В. Глинский [32, с. 410, 415]. Я.И. Мансуров ранее, в декабре 1512 г., был постельничим Василия III. Остальные стряпчие впервые упоминались на службе и были

молодыми людьми. По своему статусу стряпчие начала боярского правления были близки к «стряпчим с ключом» второй половины 1570-х гг. и принадлежали к высшей дворцовой администрации в отличие от стряпчих, известных по отрывку боярского списка от сентября – октября 1546 г. [30, с. 52], которые представляли один из чинов Государева двора и соответствовали «стряпчим с платьем» более позднего времени.

К середине XVI в. сложилась семейная традиция замещения некоторых дворцовых чинов. Чин оружничего достался в 1537 г. Ф.И. Карпову, родному брату оружничего Василия III Н.И. Карпова. Чин постельничего в начале 1547 г. перешел к А.В. Мансурову, родственнику постельничего 1512 г. Я.И. Мансурова. Должность казначеев в первой половине XVI в. занимали Головины-Ховрины и их родственники Третьяковы. Назначение казначеем Ф.И. Сукина, происходившего из незнатного рода, явилось исключением из этого правила. Чин ясельничего считался наименее престижным, поэтому трудно проследить преемственность в обладании этим чином определенными семьями. В период боярского правления, как и в первой трети XVI в., в ясельничих служили представители малоизвестных дворянских фамилий.

Реконструкция думных и дворцовых чинов в 1533–1547 гг.

Бояре

Князь В.В. Шуйский (июнь 1512 г. – конец октября 1538 г.), князь И.В. Шуйский (декабрь 1528 г. – 14 мая 1542 г.), князь М.В. Горбатый (март 1529 г. – до 25 июня 1535 г.), князь Б.И. Горбатый (май 1513 г. – 1538 г.), князь С.Д. Серебряный (январь 1526 г. – 1 февраля 1534 г.), князь Д.Ф. Бельский (февраль 1527 г. – 11 января 1551 г.), князь А.А. Хохолков-Ростовский (ноябрь 1531 г. – конец апреля 1536 г.), князь Ю.Д. Пронский (июль 1529 г. – 11 декабря 1533 г.), В.Г. Поплевин Морозов (октябрь 1531 г. – до 1 мая 1544 г.), И.Г. Поплевин Морозов (август 1527 г. – 26 сентября 1554 г.), М.В. Тучков Морозов (январь 1533 г. – до 19 июня 1540 г.), М.Ю. Захарьин (июнь 1528 г. – до 16 октября 1539 г.), М.С. Воронцов (июль 1531 г. – до апреля 1536 г.), князь И.Ф. Овчина Телепнев Оболенский (боярин и конюший в июле

1534 г. – 9 апреля 1538 г.), князь И.Д. Пенков (июль 1534 г. – до 14 октября 1540 г.), князь И.Ф. Бельский (июль – начало августа 1534 г., начало апреля 1538 г. – 2 января 1542 г.), князь Н.В. Хромой Оболенский (8 мая 1536 г. – 30 января 1543 г.), князь А.Д. Ростовский (28 июля 1536 г. – конец января 1549 г.), князь А.М. Шуйский (начало апреля 1538 г. – 28 декабря 1543 г.), князь М.И. Кубенский (август 1538 г. – до 20 июня 1548 г.), князь И.М. Шуйский (15 октября 1538 г. – 2 мая 1560 г.), И.И. Челяднин (боярин и конюший с 9 февраля 1539 г. до 25 октября 1541 г.), князь П.И. Репнин (июнь 1539 г. – до 25 мая 1545 г.), князь Ю.М. Булгаков Голицын (апрель 1540 г. – до 28 июля 1562 г.), князь И.И. Кубенский (23 мая 1540 г. – 21 июля 1546 г.), князь Д.Д. Пронский (13 февраля 1543 г. – 1554/55 г.), И.С. Воронцов (июнь 1543 г. – до 6 мая 1560 г.), князь И.А. Катырь Хохолов-Ростовский (22 августа 1543 г. – октябрь 1547 г.), Ф.С. Воронцов (18 сентября 1543 г. – 21 июля 1546 г.), князь Ф.И. Скопин Шуйский (январь 1544 г. – до 2 июня 1557 г.), князь А.Б. Горбатький (январь 1544 г. – 7 февраля 1565 г.), князь М.М. Курбский (июль 1544 г.), И.И. Хабаров (20 февраля 1546 г. – июль 1555 г.), князь В.М. Щенятев (апрель – декабрь 1546 г.), князь Д.Ф. Палецкий (7 апреля 1546 г. – 11 сентября 1558 г.), И.П. Федоров (боярин и конюший 21 июля 1546 г., боярин с 21 июля 1546 г. до 11 сентября 1568 г.), В.Д. Шеин (середина декабря 1546 г. – до 25 августа 1557 г.), князь М.В. Глинский (боярин и конюший с 16 января до конца июня 1547 г., боярин с 16 января 1547 г. до 28 сентября 1559 г.), князь И.И. Турунтай Пронский (3 февраля 1547 г. – 1568 г.), И.М. Большой Юрьев (3 февраля 1547 г.).

Окольничие

И.В. Ляцкий (декабрь 1526 г. – начало августа 1534 г.), Я.Г. Поплевин Морозов (август 1529 г. – 20 июля 1534 г.), И.С. Брюхо Морозов (сентябрь 1535 г. – 6 марта 1536 г.), Д.И. Иванов (13 августа 1536 г. – 16 февраля 1537 г.), С.И. Злобин Владимиров (12 июня 1538 г. – 28 января 1543 г.), И.С. Воронцов (август 1538 г. – июнь 1543 г.), Ф.И. Карпов (4 августа 1538 г. – 20 октября 1539 г.), И.И. Рудак Колычев (22 декабря 1540 г. – октябрь 1549 г.), Ю.Д. Шеин (6 марта 1542 г. – 27 февраля 1544 г.), И.И. Беззубцев (ноябрь 1542 г. – до 8 июня 1547 г.), князь В.В. Чулок Ушатый (1 сентября 1543 г. – 1548 г.), Г.В. Морозов (8 сентября 1543 г. – 26 марта 1548 г.), В.Д. Шеин (1543/44 г. – середина декабря 1546 г.).

Дворецкие¹⁹

Князь И.И. Кубенский (большой дворецкий 2 февраля 1524 г., в 1532 г. – июне 1543 г.), князь

С.Д. Серебряный (большой дворецкий 1 февраля 1534 г.), И.И. Хабаров (большой дворецкий 20 февраля 1546 г. – 3 февраля 1547 г.), Д.Р. Юрьев (большой дворецкий 27 марта 1547 г. – апреле 1554 г.), И.Ю. Шигона Поджогин (тверской дворецкий в марте 1532 г. – марте 1539 г.), И.И. Хабаров (тверской дворецкий 5 июня 1541 г. – 3 января 1542 г.), Ю.Д. Шеин (тверской дворецкий в сентябре 1542 г. – 27 февраля 1544 г.), И.С. Воронцов (тверской дворецкий 1 сентября 1544 г. – марте 1545 г.), князь Д.Ф. Палецкий (дмитровский дворецкий в августе 1538 г. – июне 1542 г.), В.Д. Шеин (дмитровский дворецкий в 1543/44 г. – 20 апреля 1544 г.), В.М. Воронцов (дмитровский дворецкий 20 марта 1515 г. – 21 июля 1546 г.), И.М. Юрьев (рязанский дворецкий 13 июля – в декабре 1539 г.), В.М. Тучков (рязанский дворецкий 5 июня 1541 г. – 13 февраля 1548 г.), Ф.С. Воронцов (угличский дворецкий в августе 1538 г. – июне 1542 г.), И.И. Беззубцев (угличский дворецкий 26 февраля 1546 г. – до 8 июня 1547 г.), И.Н. Бутурлин (новгородский дворецкий в апреле 1536 г. – весной 1537 г.), Д.Ф. Ласкирев (новгородский дворецкий в 1539/40 г.), И.Д. Владимиров (новгородский дворецкий в июне 1541 г. – 1542/43 г.), С.А. Упин (новгородский дворецкий в октябре 1546 г. – 12 апреля 1548 г.).

Оружничие

Ф.И. Карпов (14 января 1537 г. – 4 августа 1538 г.), князь Ю.И. Щегинин (июль – декабрь 1547 г.).

Кравчий

Князь Иван Иванович Кубенский (возможно, в 1534/35 г.).

Казначей²⁰

И.И. Третьяков (17 сентября 1536 г. – 20 февраля 1549 г.), М.П. Головин (15 мая 1540 г. – 29 марта 1541 г.), И.П. Головин (возможно, 12 ноября 1543 г.), Ф.И. Сукин (5 октября 1546 г. – август 1560 г.).

Постельничие

М.Ф. Бурухин Монастырев (2 февраля 1547 г. – 1551/52 г.), А.В. Мансуров (2 февраля 1547 г. – 26 июня 1554 г.).

Ясельничие

И.И. Челищев (начало августа 1538 г. – конец апреля 1539 г.), А.И. Большой Колтовский (возможно, 2 февраля 1547 г.).

Ловчие

Ф.М. Нагой (конец ноября 1533 г. – 6 марта 1542 г.), Б.В. Дятлов (конец ноября 1533 г. – 6 марта 1542 г.).

Шатерничий

Р.И. Семенов (4 декабря 1533 г.).

Стряпчие

Я.И. Мансуров, И.И. Челяднин, князь Ю.В. Глинский (конец ноября – начало декабря 1533 г.).

Результаты. Если сравнить состав Боярской думы в княжение Василия III с носителями думских чинов периода боярского правления, то можно отметить любопытные закономерности. Во-первых, в эпоху «дворских бурь» значительно сократилось количество окольных по отношению к боярам. Если в 1505–1533 гг. в Думе заседали 31 боярин и 23 окольных, то в 1533–1547 гг. на 39 бояр приходилось только 13 окольных. Если за 28-летнее правление Василия III 6 окольных со временем были пожалованы боярским титулом, то за 14 лет боярского правления только 2 окольных впоследствии стали боярами. Пожалования чинами окольных при боярах практиковались нечасто. В государственной думе места для окольных пустовали в первой половине 1535 г., в 1537 г., в конце 1539 г. и в 1541 году. Начиная с 1538 г. число окольных постепенно стало расти, но одновременно все же не превышало 3 человек. В 1542–1545 гг. ежегодно в Думе заседало 5 окольных, в 1546 г. – 4, в первой половине 1547 г. – 3 человека. Во-вторых, в окольные впервые были включены выходцы из захудалых дворянских родов: Ф.И. Карпов (происходил от Фоминских и Березуйских князей) и С.И. Злобин Владимиров (фамилия Злобиных, по легенде, шла от Муромских князей). Игнорирование окольных назначений, возможно, проистекало оттого, что придворная борьба разгорелась в первую очередь за боярские титулы. Окольные чины в меньшей степени интересовали временщиков. Что касается боярских пожалований, то число думцев, заседавших одновременно в государственном синклите в 1533–1545 гг., не превышало 12–

14 бояр. Если к моменту смерти Василия III боярами было приблизительно 13 человек, то в 1534 г. – 14 лиц (не считая выбывших по болезни и смерти). В 1535–1538 гг. в Думе ежегодно заседало 13 бояр, в 1539–1540 гг. – 14 человек, в 1541 г. – 13, в 1542 г. – 11, в 1543 г. – 13, в 1544 г. – 14, в 1545 г. – 13, в 1546 г. – 15, в первой половине 1547 г. – 18 лиц. Состав Думы резко не увеличивался и до 1546 г. отличался некоторой стабильностью. Однако в некоторые годы (в частности, в 1535 г., 1537 г., 1541 г., 1542 г., 1545 г.) новых боярских назначений не производилось. Одним из сигналов, периодически напоминавших о вспышках острой политической борьбы, являлись щедрые раздачи думских званий. Больше всего боярских назначений падает на 1534 г. (3 пожалования), 1538 г. (также 3), 1543 г. (4), 1544 г. (3), 1546 г. (5), первую половину 1547 г. (3). На первый взгляд странным может показаться резкое возрастание в годы боярского правления числа носителей высшего придворного звания конюшего: 4 бояр и конюших за 1534–1547 гг. против 1 конюшего И.А. Челяднина в 1508–1514 годах. Беспрецедентно большое количество конюших косвенно указывает на ожесточенную борьбу за высшие звания, усилившуюся в условиях малолетства Ивана IV. По сравнению с княжением Василия III в Думе суммарно увеличилось число боярских мест, которые занимала титулованная знать Северо-Восточной Руси, представленная князьями Суздальскими (8 человек), Ярославскими (4), Ростовскими (3), а также нетитулованными Воронцовыми (3). Впервые в Думу попали находившиеся в родственных отношениях с Иваном IV служилые князья Глинские (в лице князя Ю.В. Глинского в начале 1547 г.), в числе бояр оказался представитель младшей ветви Стародубских князей Д.Ф. Палецкий (младший брат окольного Василия III князя И.Ф. Палецкого). Однако, в отличие от окольных, доступ в ряды бояр для захудалых и недостаточно родовитых лиц был совершенно закрыт. Предпочтение отдавалось первостатейным титулованным фамилиям, издавна служившим великим князьям московским, спаянным между собой прочными родственными узами. Новые назначения в Боярскую думу и дворцовую администрацию зависели не только от сложившейся политичес-

кой конъюнктуры (примером этому являются нестандартные пожалования в окольные Карпова и Злобина, в казначеи Сукина, происходивших из неродовитых семейств), но в меньшей степени от родового порядка наследования высших чинов внутри узкого круга знатных и близких к престолу боярских кланов, распределявших титулы между своими родственниками.

Чины дворецких, как и в случае с боярскими и окольными званиями, замещали выходцы из московской придворной элиты (из родов Кобылиных, Прогасевых, Морозовых). Следует отметить одно важное нововведение боярского правления, ранее ускользавшее от внимания историков. Эта новация заключалась в обладании влиятельными аристократами одновременно двумя чинами: бояр (окольных) и дворецких. Ранее, в княжение Ивана III и Василия III, случаев, когда носители думных чинов параллельно занимали чины дворецких, не было [23, с. 326]. Первым боярином, получившим должность дворецкого к началу февраля 1534 г., следует считать князя С.Д. Серебряного. Дворецким Большого дворца с февраля 1524 г. был князь И.И. Кубенский. К 23 мая 1540 г. он стал боярином, но при этом остался дворецким Большого дворца, то есть одновременно имел два чина: боярина и дворецкого [2, с. 168; 3, с. 106]. К 18 сентября 1543 г. Ф.С. Воронцов, ранее бывший угличским и калужским дворецким, стал боярином и дворецким [51, с. 224–225]. В сентябре 1542 г. одновременно окольным и тверским дворецким указан Ю.Д. Шеин [13, л. 1]. В 1543/44 г., 20 апреля 1544 г. В.Д. Шеин упоминался с титулом окольного и дмитровского дворецкого [35, с. 317; 2, с. 181]. 1 сентября 1544 г. боярином и тверским дворецким указан И.С. Воронцов [14, л. 476 об.]. К 20 февраля 1546 г. боярином и дворецким Большого дворца стал И. И. Хабаров [56, л. 19 об., 31, 32]. 26 февраля 1546 г. окольным и угличским дворецким отмечен И.И. Беззубцев [5, с. 191]. Заметно, что наиболее почетные и значимые чины большого и тверского дворецких занимали, как правило, бояре. Чем можно объяснить новацию боярского правления? Быть может, соединение двух чинов в одних руках отражало стремление временщиков расширить сферу своих полномо-

чий, сосредоточить больше власти в своих руках, взять под свой контроль не только дворцовый аппарат, но и Боярскую думу? Однако этому предположению противоречит факт назначения боярина Семена Серебряного Оболенского большим дворецким уже к февралю 1534 года. Князь Серебряный не обладал особым могуществом, не являлся временщиком, упрекнуть его в непомерных амбициях вряд ли корректно. Также известно, что нововведение, возникшее после смерти Василия III, закрепилось в придворной среде уже к середине XVI в. и получило дальнейшее развитие (к примеру, некоторые окольные могли одновременно иметь чин оружничих). Поэтому, возможно, объяснение следует искать в отмеченном Кромом процессе бюрократизации управления в период боярского правления, выразившемся в обособлении государственного аппарата от носителя верховной власти и формировании профессиональной группы управленцев, сосредоточившей в своих руках наиболее значимые административные функции [26, с. 427–428, 617].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 19–18–00247 “Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe During the Middle Ages and Early Modern Times (11th–16th c.)”.

² Умер в конце октября 1538 г. [11, с. 75; 26, с. 243].

³ Умер 14 мая 1542 г. [26, с. 280].

⁴ Умер до 25 июня 1535 г. [11, с. 74].

⁵ Умер после января 1537 г. до марта 1539 г., около 1538 г. [19, с. 74, 99; 55, с. 1].

⁶ Умер 11 января 1551 г. [9, л. 10 об.; 27, с. 71].

⁷ Последний раз упоминается на службе в конце апреля 1536 г. [44, с. 90].

⁸ Последнее упоминание его имени в источниках встречается 11 декабря 1533 г. [32, с. 77–78].

⁹ Умер до 1 мая 1544 г. [11, с. 53].

¹⁰ Умер 26 сентября 1554 г. [11, с. 53].

¹¹ Умер до 19 июня 1540 г. [8, с. 54; 11, с. 60].

¹² Умер до 16 октября 1539 г. [11, с. 98].

¹³ Последнее упоминание в источниках относится к апрелю 1536 г., когда он был боярином и наместником в Новгороде [46, с. 306].

¹⁴ В начале августа 1534 г. бежал в Литву [32, с. 420].

¹⁵ Последний раз упоминается окольным воеводой в Вязьме 20 июля 1534 г., затем должен был отправиться с дорогобужанами в Смоленск [44, с. 84, 85].

¹⁶ Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам РГАДА А.В. Дедуку и Н.Е. Домрачеву за помощь в работе с посольской книгой о взаимоотношениях России с Крымом (1533–1539 гг.).

¹⁷ Князь Д. Ф. Бельский, князь И.М. Шуйский, князь Ю.М. Булгаков, И.Г. Поплевин Морозов, князь Ф.И. Скопин Шуйский и А.Б. Горбатьев, И.П. Федоров, князь А.Д. и И.А. Катырь Ростовские, князь М.В. Глинского, князь М.И. Кубенский, князь Д.Ф. Палецкий, князь Д.Д. и И.И. Турунтай Пронские, И.И. Хабаров, И.С. Воронцов, В.Д. Шеин, и, возможно, И.М. Большой Юрьев.

¹⁸ И.И. Рудак Кольчев, князь В.В. Чулок Ушатый, Г.В. Поплевин-Морозов.

¹⁹ Сведения о большинстве дворцовых приведены из монографии М.М. Крома [26, с. 471].

²⁰ В основе списка казначеев находится реконструкция М.М. Крома [26, с. 473–476], но предложена более точная хронология пребывания в чине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. – М. : Наука, 1975. – 437 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией : в 5 т. Т. 1. – СПб. : Тип. II Отд. Имп. канцелярии, 1836. – 491 с.
3. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. – М. : Памятники исторической мысли, 1998. – 550 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). – М. : Наука, 1983. – 639 с.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / подг. А. А. Зимин. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Ч. 2. – 663 с.
6. Архив П. М. Строева. Т. 1 // Русская историческая библиотека. – Пг. : Тип. Главного управления уделов, 1915. – Т. 32. – 894 с.
7. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1969. – 582 с.
8. Вишневский, В. И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева

монастыря: анализ и хронология / В. И. Вишневский // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – М. : Институт археологии РАН, 2013. – Вып. 9. – С. 53–67.

9. Вкладная и кормовая книга Борисоглебского монастыря. XVII в. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 775 (Собр. Титова). – Д. 4904. – 80 л.

10. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / подг. текста А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. – 2006. – № 3. – С. 5–184.

11. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / подг. изд. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. – М. : Наука, 1987. – 440 с.

12. Гиршберг, В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1 / В. Б. Гиршберг // Нумизматика и эпиграфика. – М. : Институт археологии АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 3–77.

13. Данная грамота Елены, жены И. А. Челяднина, Троице-Сергиеву монастырю на села Новое, Чапурово и Ворыгино с деревнями, вотчину мужа, в Песьем стане Ростовского уезда (сентябрь 1542 г.) // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 281. – № 10557. – Л. 1–1 об.

14. Жалованная грамота живоначальной Троице-Ивоной пустыни на земли в Романове и Пошехонье 1544 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 834. – Оп. 3. – Д. 1916. – Л. 475–477.

15. Жалованная несудимая грамота великого князя Василия Ивановича игумену Александрокшутского монастыря Даниилу с братией 2 февраля 1508 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 550. ОСПК. F.I.788. – Л. 4–5 об.

16. Зимин, А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова / А. А. Зимин // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л. : Институт русской литературы АН СССР, 1956. – Т. 12. – С. 160–173.

17. Зимин, А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. / А. А. Зимин // Исторические записки. – М. : Институт истории СССР, 1958. – Т. 63. – С. 180–205.

18. Зимин, А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. / А. А. Зимин // Археографический ежегодник за 1957 г. – М. : Наука, 1958. – С. 41–81.

19. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М. : Наука, 1988. – 349 с.

20. Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский. – 3-е изд. – М. : Синодальная типография, 1902. – 650 с.

21. Корзинин, А. Л. Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстанья 1530–1540-х гг. / А. Л. Корзинин // Вопросы истории. – 2018. – № 8. – С. 11–25.
22. Корзинин, А. Л. Земский двор в 1565–1572 гг. / А. Л. Корзинин // Сборник статей в честь В. К. Зиборова (Опыты по источниковедению. Вып. 5). – СПб. : Скрипториум, 2017. – С. 152–175.
23. Корзинин, А. Л. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. I. Думные чины / А. Л. Корзинин // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. – СПб., 2017. – Вып. 8. – С. 318–356.
24. Корзинин, А. Л. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III / А. Л. Корзинин, Н. В. Штыков // Былые годы. – 2017. – Vol. 44, Issue 2. – P. 330–341. – DOI: 10.13187/bg.2017.2.330
25. Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. – М. : Изд-во Монастыря, 1903. – 125 с.
26. Кром, М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 887 с.
27. Лихачев, Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий / Н. П. Лихачев // Известия Русского генеалогического общества. – СПб. : Тип. Мартынова, 1900. – Вып. 1. – С. 70–113.
28. Летописец начала царства, Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М. : Знак, 2009. – Т. 29. – С. 9–223.
29. Назаров, В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. / В. Д. Назаров // История СССР. – 1976. – № 3. – С. 76–96.
30. Назаров, В. Д. О структуре Государева двора середины XVI в. / В. Д. Назаров // Общество и государство феодальной России : сб. ст. к 70-летию Л. В. Черепнина. – М. : Наука, 1975. – С. 40–54.
31. Назаров, В. Д. Свадебные дела XVI века / В. Д. Назаров // Вопросы истории. – 1976. – № 10. – С. 110–123.
32. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 532 с.
33. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 239 с.
34. Новгородская четвертая летопись по списку Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 367 с.
35. Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 2. К–Р / подг. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище, 2018. – 1393 с.
36. Отрывки из расходных книг Софийского Дома за 1548-й год // Известия Археологического общества. – СПб., 1861. – Т. 3, вып. 1. – С. 32–54.
37. Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище, 2011. – 555 с.
38. Писцовая книга оброчных тонн Водской пятины письма Ф. А. Курчебина. 1551 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1209. – Оп. 1. – № 781. – Л. 1–14.
39. Посольская книга по взаимоотношениям России с Крымом // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 8. – 665 л.
40. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. – Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1995. – 355 с.
41. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. – Казань : Татарское книжное издательство, 2006. – 389 с.
42. Постникова-Лосева, М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты / М. М. Постникова-Лосева. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля : сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. – М. : Искусство, 1954. – С. 137–216.
43. Постниковский летописец // ПСРЛ. – М. : Наука, 1978. – Т. 34. – С. 8–30.
44. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М. : Наука, 1966. – 612 с.
45. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М. : Институт истории СССР, 1977. – Т. 1, ч. 1. – 188 с.
46. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М. : Институт истории СССР, 1977. – Т. 1, ч. 2. – 404 с.
47. Русские акты Ревельского городского архива // Русская историческая библиотека. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1894. – Т. 15. – С. 89–95.
48. Самоквасов, Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. / Д. Я. Самоквасов. – М. : Университетская тип., 1905. – Т. 1. Отд. 1. – 261 с.
49. Сахаров, И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / И. П. Сахаров // Записки Отделения русской и славянской филологии Императорского археологического общества. – 1851. – Т. 1, отд. 3. – С. 46–139.
50. Сборник Русского исторического общества. – СПб. : Тип. Елеонского, 1882. – Т. 35. – 869 с.
51. Сборник Русского исторического общества. – СПб. : Тип. Елеонского, 1887. – Т. 59. – 629 с.
52. Скрынников, Р. Г. Царство террора / Р. Г. Скрынников. – СПб. : Наука, 1992. – 572 с.
53. Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. – 358 с.
54. Сочинения князя Андрея Курбского // Русская историческая библиотека. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1914. – Т. 31. – С. 161–334.

55. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. – М. : Тип. Т. Рис, 1880. – 122 с.

56. Судный список нижегородских тиунов Г. Брейцына и И. Жедринского по тяжбе властей Нижегородского Печерского монастыря с нижегородскими посадскими людьми 1546 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 834. – Оп. 3. – Д. 1914. – Л. 19 об. – 32.

57. Титов, А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. / А. А. Титов // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1906. – Вып. 5. – С. 1–115.

58. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 456 с.

59. Черкасова, М. С. Кубено-Заозерский край в XIV–XVI вв. / М. С. Черкасова // Харовск: Краеведческий альманах. – Вологда : ВГПУ : Русь, 2004. – С. 46–105.

60. Чумиков, А. Акты Ревельского городского архива / А. Чумиков // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – М. : Университетская тип., 1898. – Кн. IV. Смесь. – С. 1–36.

61. Шереметевский список думных и дворцовых чинов // Древняя Российская вивлиофика. – М. : Тип. Компании Типографической, 1791. – Ч. 20. – С. 1–131.

62. Штаден, Г. Записки о Московии / Г. Штаден. – М. : Древлехранилище, 2009. – Т. 2. – 476 с.

63. Юрганов, А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.) / А. Л. Юрганов. – М. : Квадрига, 2009. – 192 с.

64. Alef, G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Moscow in the late fifteenth and early sixteenth centuries / G. Alef // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. – Berlin. 1980. – Bd. 27. – S. 77–107.

65. Kleimola, A. M. Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 / A. M. Kleimola // Essays in honor of A. A. Zimin. – Ohio, 1985. – P. 232–257.

66. Kollmann, N. S. Kinship and Politics in medieval Russia: The Making of Muscovite Political System. 1345–1547 / N. S. Kollmann. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 324 p.

REFERENCES

1. *Akty russkogo gosudarstva 1505–1526* [Acts of the Russian State of 1505–1526]. Moscow, Nauka Publ., 437 p.

2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiy : v 5 t. T. 1* [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition.

In 5 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1836. 491 p.

3. *Akty Suzdalskogo Spaso-Evfimyeva monastyrya 1506–1608 gg.* [Acts of the Suzdal Spaso-Evfimyev Monastery of 1506–1608]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 1998. 550 p.

4. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i khozyaystva. Akty Moskovskogo Simonova monastyrya (1506–1613 gg.)* [Acts of Feudal Land Tenure and Economy. Acts of the Moscow Simonov Monastery (1506–1613)]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 639 p.

5. Zimin A.A., ed. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov* [Acts of Feudal Land Tenure and Economy of the 14th–16th c.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, part 2. 663 p.

6. *Arkhiv P.M. Stroyeva. T. 1* [P. M. Stroyev's Archive, vol. 1]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Petrograd, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1915, vol. 32. 894 p.

7. Veselovskiy S.B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladeltsev* [Researches on History of the Class of Service Landowners]. Moscow, Nauka Publ. 582 p.

8. Vishnevskiy V.I. Ornament belokamennykh srednevekovykh nadgrobiy Troitse-Sergieva monastyrya: analiz i khronologiya [Ornament of White Stone Medieval Gravestones of the Trinity Lavra of Saint Sergius: Analysis and Chronology]. *Arkheologiya Podmoskovya : materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Moscow Area. Proceedings of the Scientific Seminar]. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2013, iss. 9, pp. 53–67.

9. *Vkladnaya i kormovaya kniga Borisoglebskogo monastyrya. XVII v.* [Supplementary and Fodder Book of the Borisoglebsky Monastery. 17th c.]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of the National Library of Russia], F. 775 (Coll. of Titov), D. 4904. 80 l.

10. Alekseev A.I., Mashtafarov A.V., eds. *Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya* [Supplementary and Fodder Book of the Moscow Simonov Monastery]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2006, no. 3, pp. 5–184.

11. Klitina E.N., Manushina T.N., Nikolaeva T.V. *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [Supplementary Book of the Trinity Lavra of Saint Sergius]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.

12. Girshberg V.B. *Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskovya XIV–XVII vv. Ch. 1* [Proceedings for the Code of Inscriptions on Stone Plates of Moscow and Moscow Area of the 14th–17th c. Part 1]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy]. Moscow, Institut arkheologii AN SSSR, 1960, vol. 1, pp. 3–77.

13. Dannaya gramota Eleny, zheny I. A. Chelyadnina, Troitse-Sergievu monastyryu na sela Novoe, Chapurovo i Vorygino s derevnyami, votchinu muzha, v Pesyem stane Rostovskogo uezda (sentyabr 1542 g.) [Charter Given by Elena, I.A. Chelyadnin's Wife, to the Trinity Lavra of Saint Sergius on Novoe, Chapurovo and Vorygino Settlements with Villages, Ancestral Lands of the Husband, at Pesiy Stan of Rostov Uezd (September, 1542)]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 281, no. 10557, L. 1–1 ob.
14. Zhalovannaya gramota zhivonachalnoy Troitse-Ivoninoy pustyni na zemli v Romanove i Poshekhonye 1544 g. [Grant-Charter of the Life-Giving Troitse-Ivonina Desert on Lands in Romanovo and Poshekhonye of 1544]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], F. 834, Op. 3, D. 1916, L. 475-477.
15. Zhalovannaya nesudimaya gramota velikogo knyazya Vasiliya Ivanovicha igumenu Aleksandro-Kushtskogo monastyrya Daniilu s bratney 2 fevralya 1508 g. [Grant Non-Judged Charter of Grand Knyaz Vasily Ivanovich to Hegumen Daniil of the Aleksandro-Kushtsky Monastery with Monks on February 2, 1508]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of the National Library of Russia], F.I.788. ll. 4–5 ob.
16. Zimin A.A. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Fedora Karpova [Social and Political Views of Fedor Karpov]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad, Institut russkoy literatury AN SSSR, 1956, vol. 12, pp. 160-173.
17. Zimin A.A. O sostave dvortsovykh uchrezhdeniy Russkogo gosudarstva kontsa XV i XVI v. [About the Structure of Palace Institutions of the Russian State in the Late 15th and 16th c.]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1958, vol. 63, pp. 180-205.
18. Zimin A.A. Sostav Boyarskoy dumy v XV–XVI vv. [Composition of the Boyar Duma in the 15th–16th c.]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1957 g.* [Arkheografic Year-Book for 1957]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 41-81.
19. Zimin A.A. *Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV–pervoy treti XVI v.* [Formation of the Duma Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 349 p.
20. Klyuchevskiy V.O. Boyarskaya дума Древней Руси [The Boyar Duma of Ancient Russia]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1902. 650 p.
21. Korzinin A.L. Gosudarev dvor v period boyarskogo pravleniya: prakticheskaya realizatsiya pomestnogo verstaniya 1530–1540-kh gg. [The Monarch Court During the Boyar Rulling: The Practical Realisation of Land Policy 1530-1540-th Years]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 8, pp. 11-25.
22. Korzinin A.L. Zemskiy dvor v 1565–1572 gg. [Zemstvo Court in 1565–1572)]. *Sbornik statey v chest V. K. Ziborova (Opyty po istochnikovedeniyu. Vyp. 5)*. [Collection of Articles in Honor of V.K. Ziborov (Experiments on Source Study. Issue 5)]. Saint Petersburg, Skriptorium Publ., 2017, pp. 152-175.
23. Korzinin A.L. Sostav Boyarskoy dumy i dvortsovykh chinov v pravlenie velikogo knyazya Ivana III. Ch. I. Dumnye chiny [Composition of the Boyar Duma and Palace Ranks in the Governance of Grand Knyaz Ivan III. Part I. Ranks of Duma]. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Almanakh*. [Ancient Rus in Time, Persons, Ideas. Almanac]. Saint Petersburg, 2017, iss. 8, pp. 318-356.
24. Korzinin A.L., Shtykov N.V. Sostav Boyarskoy dumy i dvortsovykh chinov v knyazhenie Vasiliya III [The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning]. *Bylye gody*, 2017, vol. 44, iss. 2, pp. 330-341. DOI: 10.13187/bg.2017.2.330
25. *Kormovaya kniga Moskovskogo Stavropigialnogo Novospasskogo monastyrya* [Fodder Book of the Moscow Stavropigialny Novospassky Monastery]. Moscow, Izd-vo Monastyrya, 1903. 125 p.
26. Krom M.M. «Vdovstvuyushchee tsarstvo»: Politicheskiy krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“Widow Kingdom”: Political Crisis in Russia of the 30s – 40s of the 16th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 887 p.
27. Likhachev N.P. Zametki po rodosloviyu nekotorykh knyazheskikh familiy [Notes About the Genealogy of Some Princely Families]. *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* [News of the Russian Genealogical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Martynova, 1900, iss. 1, pp. 70-113.
28. Letopisets nachala tsarstva, Aleksandro-Nevskey letopis [Chronicler of the Beginning of the Tsardom, Aleksandro-Nevskey Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL)* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Znack Publ., 2009, vol. 29, pp. 9-223.
29. Nazarov V.D. Iz istorii tsentralnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii serediny XVI v. [From the History of the Central Public Institutions of Russia in the Middle of the 16th c.]. *Istoriya SSSR*, 1976, no. 3, pp. 76-96.
30. Nazarov V.D. O strukture Gosudareva dvora serediny XVI v. [About the Structure of the Sovereign Court in the Middle of the 16th c.]. *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoy Rossii : sb. st. k 70-letiyu L. V. Cherepnina* [Society and the State of Feudal Russia. Collection of Articles to L.V. Cherepnin's 70th Anniversary]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 40-54.

31. Nazarov V.D. Svadebnye dela XVI veka [Wedding Affairs of the 16th Century]. *Voprosy istorii*, 1976, no. 10, pp. 110-123.
32. Nikonovskaya letopis [Nikonovsky Chronicle]. *PSRL* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 30]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, vol. 13. 532 p.
33. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis [Novgorod Second (Archive) Chronicle]. *PSRL* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 30]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009, vol. 30. 239 p.
34. Novgorodskaya chetvertaya letopis po spisku Dubrovskogo [Novgorod Fourth Chronicle According to Dubrovsky's List]. *PSRL* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004., vol. 43. 367 p.
35. Antonov A.V., ed. *Opisanie Gramot Kollegii ekonomii. T. 2. K–R* [Description of Charters of the Economy Chamber. Vol. 2 K-R]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2018. 1393 p.
36. Otryvki iz raskhodnykh knig Sofiyskogo Doma za 1548-y god [Fragments from Expenses Books of the Sofia House for 1548]. *Izvestiya Arkheologicheskogo obshchestva* [News of the Archaeological Society]. Saint Petersburg, 1861, vol. 3, iss. 1, pp. 32-54.
37. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Monuments of History of the Russian Service Estate]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2011. 555 p.
38. Pistsovaya kniga obrochnykh ton Vodskoy pyatiny pisma F. A. Kurchebina. 1551 g. [Cadastre Land Book of Vodskaya Pyatina Written by F.A. Kurchebin]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 1209, Op. 1, no. 781, L. 1-14.
39. Posolskaya kniga po vzaimootnosheniyam Rossii s Krymom [Ambassadorial Book on Relationship of Russia with the Crimea]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 123, Op. 1, Kn. 8. 665 l.
40. *Posolskie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy: 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Communications of Russia with the Nogai Horde: 1489–1549]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. 355 p.
41. Mustafina D.A., ed. *Posolskie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy (1551–1561 gg.)* [Ambassadorial Books on Communications of Russia with the Nogai Horde (1551–1561)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 389 p.
42. Postnikova-Loseva M.M. Zolotye i serebryanye izdeliya masterov Oruzheynoy palaty [Gold and Silver Products of Armory Masters]. *Gosudarstvennaya Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya : sb. nauch. tr. po materialam Gosudarstvennoy Oruzheynoy palaty* [State Armory of the Moscow Kremlin. Collection of Scientific Works on State Armory Materials]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, pp. 137-216.
43. Postnikovskiy letopisets [Postnikovsky Chronicler]. *PSRL* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1978, vol. 34, pp. 8-30.
44. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Charge Book of 1475–1598]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 612 p.
45. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Charge Book of 1475–1605]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1977, vol. 1, part 1. 188 p.
46. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Charge Book of 1475–1605]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1977, vol. 1, part 2. 404 p.
47. Russkie akty Revelskogo gorodskogo arkhiva [Russian Acts of the Revel City Archive]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1894, vol. 15, pp. 89-95.
48. Samokvasov D.Ya. *Arkhivnyy material. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo gosudarstva XV–XVII stoletiy* [Archive Material. Newfound Documents of Local and Patrimonial Institutions of the Moscow State in the 15th–17th Centuries]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1905, vol. 1, otd. 1. 261 p.
49. Saharov I.P. Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Fodder Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy filologii Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Philology of the Imperial Archaeological Society], 1851, vol. 1, otd. 3, pp. 46-139.
50. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Sbornik RIO)* [Collection of the Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Eleonskogo, 1882, vol. 35. 869 p.
51. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Sbornik RIO)* [Collection of the Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Eleonskogo, 1887, vol. 59. 629 p.
52. Skrynnikov R.G. *Tsarstvo terrora* [Tsardom of Terror]. Saint Peterburg, Nauka Publ., 1992. 572 p.
53. Sofiyskaya letopis [Sophia Chronicle]. *PSRL* [Complete Collection of the Russian Chronicles]. Saint Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1853, vol. 6. 358 p.
54. Sochineniya knyazya Andrey Kurbskogo [Essays of Knyaz Andrey Kurbsky]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1914, vol. 31, pp. 161-334.
55. *Spisok pogrebennykh v Troitskoy Sergievoy lavre ot osnovaniya onoy do 1880 goda* [List of the

Buried in the Trinity Lavra of Saint Sergius from Its Foundation Until 1880]. Moscow, Tipografiya T. Ris, 1880. 122 p.

56. Sudnyy spisok nizhegorodskikh tiunov G. Breytsyna i I. Zhedrinskogo po tyazhbe vlastey Nizhegorodskogo Pecherskogo monastyrya s nizhegorodskimi posadskimi lyudmi 1546 g. [Judgment List of Nizhny Novgorod Tiun G. Breytsyn and I. Zhedrinsky on a Lawsuit of Nizhny Novgorod Pechersky Monastery Authorities with Nizhny Novgorod Citizens of 1546]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], F. 834, Op. 3, D. 1914, L. 19 ob. 32.

57. Titov A.A. Vkladnye i zapisnye knigi Iosifova Volokolamskogo monastyrya XVI v. [Supplementary and Record Books of Joseph-Volokolamsk Monastery of the 16th c.]. *Rukopisi slavyanskie i russkie, prinallezhashchie I. A. Vakhrameevu* [Slavic and Russian Manuscripts Belonging to I.A. Vakhrameev]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1906, iss. 5, pp. 1-115.

58. *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad 50-kh godov XVI v.* [Thousand Book of 1550 and Court Notebook of the 50s of the 16th c.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 456 p.

59. Cherkasova M.S. Kubeno-Zaozerskiy kray v XIV–XVI vv. [Kubeno-Zaozersky Krai in the 14th–16th c.]. *Kharovsk: Kraevedcheskiy almanakh* [Kharovsk: Local History Almanac], Vologda, VGSPU, Rus Publ., 2004, pp. 46-105.

60. Chumikov A. Akty Revelskogo gorodskogo arkhiva [Acts of the Revel City Archive]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1898, book IV, mixture, pp. 1-36.

61. Sheremetevskiy spisok dumnykh i dvortsovykh chinov [Sheremetev List of Duma and Palace Ranks]. *Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika* [Ancient Russian Vivliofika]. Moscow, Tipografiya Kompanii Tipograficheskoy, 1791, part 20, pp. 1-131.

62. Shtaden G. *Zapiski o Moskovii* [Notes About Moskovia]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2009, vol. 2. 476 p.

63. Yurganov A.L. *Politicheskaya borba v gody pravleniya Eleny Glinskoy (1533–1538 gg.)*. [Political Struggle During the Reign of Elena Glinskaya (1533–1538)]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 192 p.

64. Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Moscow in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries. *Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte*. Berlin, 1980, bd. 27, pp. 77-107.

65. Kleimola A.M. Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550. *Essays in Honor of A.A. Zimin*. Ohio, 1985, pp. 232-257.

66. Kollmann N.S. *Kinship and Politics in Medieval Russia: The Making of Muscovite Political System. 1345–1547*. Stanford, 1987. 324 p.

Information about the Author

Alexander L. Korzinin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaya Liniya, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, a.korzinin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-1249>

Информация об авторе

Александр Леонидович Корзинин, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.korzinin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-1249>